

Зубкова Е. Н.,
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь
E-mail: helen_zubkova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОМИНАЦИЙ СЛАВЯНСКИХ И СОБСТВЕННО РУССКИХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПТИЦ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей изменения семантики номинаций славянских и собственно русских фантастических птиц. Исторические, этимологические, толковые и этнолингвистические словари позволили установить основные варианты толкования наименований данной группы фантастических животных. На материале Национального корпуса русского языка автор выявляет тот факт, что лексемы Алконост, Гамаюн, Жар-птица и Сирин в поэтических текстах могут приобретать метафорические значения, связанные с народной культурой.

Ключевые слова: славянские и собственно русские фантастические птицы, народная культуры, Россия (Советская Россия), псевдонародность.

Zubkova E. N.,
North-Caucasian Federal University,
Stavropol
E-mail: helen_zubkova@mail.ru

PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF THE RUSSIAN AND SLAVIC FANTASTIC BIRDS NOMINATION IN POETRY

Abstract: The article is devoted to research of specialty semantics' transformation of the Slavic and Russian fantastic birds' nominations. The historical, etymological, ethnolinguistic dictionaries helped to determine the basic meanings of the nominations of this fantastic animals' group. With the help of the Poetry corpus of the RNC the author of the article proved that such lexemes as Alkonost, Gamayun, Firebird and Syrin can make the new meanings which are associated with the Russian folk culture.

Key words: the Russian and Slavic fantastic birds, folk culture, Russian (Soviet Russia), pseudo-folk culture.

В сознании человека явления мира представлены в виде некоего внутреннего образа. В. А. Маслова утверждает: «Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая репрезентация мира», то как

«языковая модель мира», то как «языковая картина мира» [3, с.64]. Важно отметить, что языковая картина мира не является застывшей и неизменной. Со временем некоторые ее элементы могут устаревать или трансформироваться. В данной статье мы обратились к исследованию специфических значений номинаций славянских и русских фантастических птиц, несущих в себе следы мифологического мышления, самой древней формы общественного сознания. Мифологическое мышление «представляет собой творение в воображении или с помощью воображения иной действительности – субъективной и иллюзорной, служащей не столько для объяснения, сколько для оправдания определенных («священных») установлений, для санкционирования определенного сознания и поведения» [2, с.15]. Как известно, в древнейший период живое и неживое отождествлялись, большое значение имели аналогии. Видение мира, таким образом, выражалось в том числе через призму языка. «Мир (или различные миры) представлены человеку через призму его культуры, в частности языка; именно метафора является своеобразной «картиной мира», неодинаковой у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды. По своему происхождению каждая метафора является, в сущности, маленьким мифом» [2, с.16].

В русской языковой картине мира сохранились следы древнего метафорического представления мира, например, в виде названий фантастических птиц. А. Н. Афанасьев отмечал, что под птицей народы арийского происхождения понимали стремительные атмосферные явления, которым приписывались свойства этих животных. В то же время заимствованные от явлений природы мифические представления переносились и на самих птиц [1, с.292-294]. Среди образов птиц ярко проявлялись оппозиции *чистый – нечистый*, *женская ипостась – мужская ипостась*. Последняя стала поводом для использования их символики при характеристике половозрастного статуса, семейно-родственных отношений, сексуальных отношений, а также для названия женских головных уборов. Часто птицы

выступали также и образом души [5, с.345]. В данной работе мы обратимся к таким номинациям фантастических птиц, как: *алконост*, *гамаюн*, *жар-птица* и *сирин*.

Изучение толкований перечисленных выше наименований в толковых, этимологических, исторических, этнолингвистических словарях позволило сделать нам определенные наблюдения. Лексема *жар-птица* в данных словарях является однозначной и имеет значение ‘фантастическая птица’. В структуре номинации *гамаюн* преимущественно тоже выделяется только данное значение, но в XIX в. она могла называть и человека, обладающего определенными социальными или территориальными характеристиками, что связано предположительно с явлением народной этимологии. В то же время наименования *алконост* и *сирин* в большинстве словарей называют существующие виды реальных птиц и только в некоторых видах словарей имеют значение ‘фантастическая птица’. Таким образом, в этимологических, толковых, этнолингвистических, исторических словарях в структуре лексем *алконост*, *гамаюн*, *жар-птица* и *сирин* делается акцент либо на значении ‘фантастическая птица’, либо на значении ‘определенный вид птиц’. Работа с Национальным корпусом русского языка (Основным и Поэтическим подкорпусом) позволила нам провести наблюдение над особенностями функционирования данных лексем в прозаическом и поэтическом контексте и выявить иные значения названных номинаций.

При сопоставлении материалов Основного и Поэтического подкорпусов НКРЯ [4] мы пришли к выводу, что в обоих подкорпусах лексема *алконост* может иметь следующие значения:

- 1) ‘фантастическая птица или ее изображение’;
- 2) ‘название книжного издательства/ картины’;
- 3) ‘прозвище’;
- 4) ‘название технического прибора’;
- 5) ‘ироническое название административной единицы’;

- 6) метафорически ‘иронический титул’;
- 7) метафорически ‘народная русская дореволюционная культура’.

Лексема *гамаюн* в обоих подкорпусах может иметь следующие значения:

- 1) ‘фантастическая птица или ее изображение в виде рисунка, игрушки’;
- 2) ‘название людей по определенной (территориальной/ национальной/ языковой) принадлежности’;
- 3) ‘кличка птицы’;
- 4) ‘название (общества, издательства, масонской ложи)’;
- 5) ‘фамилия’;
- 6) метафорически ‘прозвище-псевдоним’;
- 7) ‘метафорически ‘ироничный титул’;
- 8) ‘олицетворение псевдонародности’;
- 9) ‘олицетворение Советской России’.

Номинация *жар-птица* может иметь следующие значения:

- 1) ‘фантастическая птица или ее изображение’;
- 2) метафорически ‘название женщины, имеющей определенные характеристики’;
- 3) ‘название (балета, журнала, спектакля, картины)’;
- 4) ‘олицетворение молнии’;
- 5) ‘олицетворение осени’;
- 6) ‘олицетворение зари’;
- 7) ‘олицетворение свободы’;
- 8) ‘олицетворение солнца’;
- 9) ‘олицетворение мечты’;
- 10) ‘олицетворение снега’;
- 11) ‘олицетворение огня’;
- 12) ‘олицетворение советского строя’;
- 13) ‘олицетворение народной культуры’;
- 14) ‘олицетворение России’;

- 15) метафорически ‘комета’;
- 16) метафорически ‘купол’;
- 17) метафорически ‘пожар/ бомба’.

Лексема **сирин** может иметь в обоих подкорпусах следующие значения:

- 1) ‘фантастическая птица или ее изображение’;
- 2) ‘часть имени святого, указывающая на связь с Сирией’;
- 3) ‘название (издательства, картины, отеля)’;
- 4) метафорически ‘псевдоним (В. В. Набокова)’;
- 5) метафорически ‘прозвище’;
- 6) метафорически ‘игральные карты’;
- 7) метафорически ‘название молодого человека’;
- 8) ‘олицетворение Советской России’;
- 9) ‘олицетворение псевдонародности’;
- 10) метафорически ‘русская народная культура’;
- 11) метафорически ‘русский солдат’.

Наиболее интересным мы считаем тот факт, что исследуемые нами номинации в поэтических текстах становятся олицетворением народной культуры, России (Советской России) или же, наоборот, псевдонародности..

По данным поэтического подкорпуса НКРЯ, возможно следующее метафорическое использование лексемы **алконост** в значении ‘**народная русская дореволюционная культура**’ [4]:

*В тысячестолпную Софию
Стекутся зверь и человек.
Я алконостную Россию
Запратал в дедовский сусек.
У Алконоста перья — строчки,
Пушинки — звездные слова;
Умрут Кольцовы-одиночки,
Но не лесов и рек молва.*

Н. А. Клюев. «Меня Распутиным назвали...» (1917) [4].

Согласно поэтическому подкорпусу, допускается метафорическое использование лексемы *гамаюн* в значении **‘олицетворение Советской России’** [4]:

*Солнце ослепительного века,
Не забудь праздника великой Коммуны!..
В чертоге и в хижине дровосека
Поют огнеперые гамаюны.
О шапке Мономаха, о царьградских бармах
Их песня? О солнце, — скажи!..
В багряном заводе и в красных казармах
Роятся созвучья-стрижи.
Словить бы звенящих в построчные сети,
Бураны из крыльев запрячь в корабли!..
Мы — кормчие мира, мы — боги и дети,
В пурпурный Октябрь повернули рули!
Плывем в огнецвет, где багрец и рябина,
Чтоб ран глубину с океанами слить;
Суровая пряжа — бессмертных судьбина —
Вручает лишь солнцу горящую нить!*

Н. А. Клюев. «Солнце осьмнадцатого года...» (1918) [4].

В то же время лексема *гамаюн* в поэтических текстах может приобретать значение **‘олицетворение псевдонародности’** [4]:

*Птица Сирин / (Гамаюн, / Гюлистан)
пролетает / по яблонным листам.
Пролетай, / Иван-царевич, / веселись,
добрым глазом / нынче смотрит василиск,
а под сенью / василисковых крыл
император всероссийский / Кирилл!*

Вережит по-человечьи / Гамаюн:

*«Полечу я поглазеть / на мою,
полечу, / долечу, / заберусь
на мою / императорскую Русь».*

*Как ни щурят / старушечье бельмо
Мережковский, / Гиппиус, / Бальмонт, —
старой шпорой / забряцати слабо
у советских деревень / и слобод.*

*У советских деревень / и слобод
веют ветры / октябрьских свобод,
да с былой / с православной / с кабалой
облетает / позолота с куполов!*

*Не закрутит вновь / фельдфебельский ус
православно-заграничная / Русь.*

С. И. Кирсанов. Отходная (1927) [4].

По данным Поэтического подкорпуса НКРЯ, возможно использование лексемы **жар-птица**

а) в значении **‘олицетворение народной культуры’** [4]:

*Мы — кречетов стая, жар-птицы, орлы,
Нам явственны бури и вздохи метлы: —
В метле есть душа — деревянный божок,
А в буре Илья — громогласный пророк...
У Божьей иглы не измерить ушка,
Мелькает лишь нить — огневая река...
Есть пламенный лев, он в мужицких крестцах,
И рык его чувствуется в ярых родах,
Когда роженичный заклятый пузырь
Мечом рассекает дитя-богатырь...*

Н. А. Клюев. «Под древними избами, в красном углу...» (1916-1918) [4];

б) в значении ‘олицетворение советского строя’ [4]:

Крепчает, братцы, сила!..

Еще разок напред...

***Жар-Птица** мир накрыла*

Пылающим крылом...

С. А. Обрадович. Рабочая (1920) [4];

в) в значении ‘олицетворение России’ [4]:

...Смеясь, на волю выпустил я полночь

И сердцем знал, что в черных крыльях счастье,

О светлых птицах досказала няня,

***Жар-птицей** назвала себя Россия,*

И разве не костер — весь дом мой отчий,

И разве не огонь — наш гость желанный!..

К. Д. Бальмонт. Моя любовь (1926.05.09) [4].

По данным поэтического подкорпуса НКРЯ, использование лексемы **сирин** возможно в следующих значениях:

а) ‘олицетворение Советской России’ [4]:

Столетия бегут, и мужает Россия,

Далёко петровские стружки летят.

Октябрьские зори восходят впервые,

И новые звезды сверкают, как сад.

А в этом саду наливается слово,

*Качается **Сирин** в изгибах ветвей,*

И всходит, как солнце для мира слепого,

Бессмертное сердце Отчизны моей!

Вс. А. Рождественский. В тенетах времен (1923) [4];

б) ‘русская народная культура’ [4]:

*Где рай финифтяный и **Сирин***

Поет на ветке расписной,

*Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой,
Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец — Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов...*

Н. А. Клюев. «Где рай финифтяный и Сирин...» (1916-1918) [4];

в) **‘русский солдат’** [4]:

*...Сердце вторит: «Он убит —
Ясноперый **Сирин** в хаки,
Чьи кровинки ярь и маки,
Умер с пулею в крыле,
Трепеща в оконной мгле...*

Н. А. Клюев. «Из кровавого окопа...» (1918) [4];

г) **‘олицетворение псевдонародности’** [4]:

*Птица **Сирин** / (Гамаюн, / Гюлистан)
пролетает / по яблонным листам.
Пролетай, / Иван-царевич, / веселись,
добрым глазом / нынче смотрит василиск,
а под сенью / василисковых крыл
император всероссийский / Кирилл!
Верещит по-человечьи / Гамаюн:
«Полечу я поглазеть / на мою,
полечу, / долечу, / заберусь
на мою / императорскую Русь».
Как ни щурят / старушечье бельмо
Мережковский, / Гиппиус, / Бальмонт, —
старой шпорой / забряцати слабо
у советских деревень / и слобод.*

*У советских деревень / и слобод
веют ветры / октябрьских свобод,
да с былой / с православной / с кабалой
облетает / позолота с куполов!
Не закрутит вновь / фельдфебельский ус
православно-заграничная / Русь.*

С. И. Кирсанов. Отходная (1927) [4].

Таким образом, номинации **алконост**, **сирин** и **жар-птица** могут использоваться в поэтических текстах как олицетворение народной культуры; **гамаюн**, **жар-птица** и **сирин** – Советской России; **гамаюн** и **сирин** – псевдонародности. Этот факт, во-первых, еще раз подтверждает, что данные названия фантастических птиц являются славянскими или собственно русскими; во-вторых, работая аналогичным образом с номинациями европейских фантастических птиц (**гарпия**, **гриф**, **грифон**, **сирена**, **феникс**), мы пришли к выводу, что только славянские и русские птицы в поэтических текстах могут приобретать значения ‘олицетворение русской народной культуры’, ‘олицетворение Росси (Советской России)’ или, наоборот, ‘олицетворение псевдонародности’. На наш взгляд, это объясняется тем, что лексема может претендовать на приобретение метафорического значения, связанного с народностью или псевдонародностью, только в том случае, если она не только освоена и находится в активном словарном запасе, но и исторически связана с культурой народа, его древнейшим метафорическим сознанием. По этой причине номинации славянских и собственно русских фантастических птиц в поэтическом контексте, как связанные с образным видением мира, приобретают подобные значения в своей семантической структуре.

Библиографический список

1. Афанасьев А. Н. Славянская мифология/ Александр Афанасьев. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 1520 с.

2. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти томах/ Под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 2009. – Т. 4. – 656 с.

References

1. Afanasev A. N. Slavyanskaya mifologiya/ Aleksandr Afanasev. – М.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2008. – 1520 s.
2. Makovskiy M.M. Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh: Obraz mira i miry obrazov. – М.: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1996. – 416 s.
3. Maslova V. A. Lingvokulturologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb, zavedeniy. – М.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya», 2001. – 208 s.
4. Natsionalnyy korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar: V 5-ti tomakh/ Pod obshchey red. N. I. Tolstogo. – М.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2009. - Т. 4. – 656 s.